

шимся к тому времени флагеллантам (членам секты хлыстов), так как последние «стремились к тому, чтобы повсеместно уничтожить евреев» [1, с. 188]. Флагелланты своими самобичеваниями, правда, внесли свой вклад в повсеместное проявление эмоций, но как можно предположить из письма папы, не они были зачинщиками погромов. Все социальные группы, по-разному в отдельных городах участвовали в погромах. В территориальных государствах были властители как представитель династии Веттинов Фридрих II Саксонский, которые предписывали убийство евреев, чтобы гарантировать свою власть. Другие, как Альбрехт II Австрийский, напротив, принимали решительные меры по отношению к восставшим и защищали евреев от дальнейших преследований. Но император Карл IV – как мы видели – выступил в защиту евреев не так решительно. Он стал в стремлении к обеспечению своей власти «тихим участником мерзости» [1, с. 175].

Во время чумных погромов было уничтожено приблизительно 300 общин, поселенческое постоянство было прервано в большинстве городов; лишь для 58 мест это постоянство было подтверждено. Но они находились не в центре, а на периферии империи, как например, в Богемии и Моравии. Многие из переживших погромы эмигрировали в северную Италию и Польшу, небольшая группа направилась также в Святую Землю.

Чумные погромы 1348/1350 гг. означали важную цезуру в истории евреев в Германии. Историк Альфред Хаверкамп справедливо говорит о «глубокой борозде в истории германского еврейства от начала поселения до национал-социалистического «окончательного решения» [2, с. 222].

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Müller, Karlheinz/Wirstadt, Klaus (Hg.). Geschichte und Kultur des Judentums. – Würzburg, 1988. – 564 S.
2. Toch, Michael. Die Juden im mittelalterlichen Reich. – München, 1998. – 432 S.

ХАРЧЕНКО О.П.

старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «БрГУ имени А.С.Пушкина»

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Интерес к деятельности религиозных конфессий в Беларуси в различные периоды истории все больше привлекает внимание общественных наук. Дело в том, что в Беларуси, особенно в ее западных районах, исторически складывались полиэтничное и поликонфессиональное общество. Бок о бок с титульной народностью (нацией) – белорусами – проживали поляки, литовцы, евреи, русские, татары и многие другие. Извечной специфической особенностью истории Беларуси, был стык таких двух культурных слоев, как византийский и латинский, фактор, оказывающий до сих пор огромное влияние на многие стороны общественно-политической, культурной жизни народа, межнациональные и конфессиональные отношения.

Социальная и политическая борьба, после Октябрьской революции 1917 г., шедшая под лозунгом освобождения общества от эксплуатации, от насилия государства, объединяла в революционном порыве не только рабочих, но и крестьян. Смена монархического строя республиканским предполагала дать больше возможностей для деятельности Церкви. Прежде всего – предоставить свободу исповедовать религию и верующим, не только членам Русской Православной Церкви (РПЦ), но и другим религиозным объединениям, возможность управляться в церковной жизни не светской, а духовной властью, собираться на представительные соборы, выбирать своего духовного главу. Однако новая власть, положив в основу своей деятельности общественные и политические теории, выработанные в кабинетах ученых-материалистов и идеологов классовой борьбы, стала проводить их в жизнь силой. Религия и все то, что с ней связано – будь то храм, культовое действие, либо верующий, оценивались большевиками негативно, исключительно по одному признаку – религия выполняла роль идеологии, направленной на укрепление эксплуататорского строя.

Гонения на католиков в СССР являлись составной частью общей государственной политики в отношении с религиозными организациями. Если богоборческая власть вела особенно упорную борьбу с РПЦ как основой духовного сопротивления, то с 1929 г. под молот жесточайших гонений попали все конфессии [13, с. 29]. Судьба Католического Костела, как и ПЦ, в СССР была достаточно трагичной. По данным, составленным в 1936г. могилевским католическим епископом Неве, из 853 католических священнослужителей в СССР осталось 16, более 300 епископов и ксендзов были расстреляны, действовало только 30 костелов и каплиц [19, с. 303]. В 1938 г. Костел был ликвидирован как институт публичной жизни: исчезли парафии, были закрыты храмы, за исключением двух французских приходов – Святого Людовика в Москве и Пресвятой Богородицы Лурдской в Ленинграде. Обе церкви сохранились лишь потому, что числились как учреждения Французской Республики, а советская власть пыталась сохранить добрые отношения с Францией [16, с.161]. Ни один местный католический ксендз, если даже не находился в тюрьме или в лагере, не имел уже права в это время заниматься пастырской деятельностью.

В результате политических и военных действий советских властей в 1939–1940 гг. государственная граница СССР была отодвинута на запад: в состав СССР вошли западные области Беларуси и Украины, были присоединены страны Прибалтики, Бессарабия, Северная Буковина. Безусловно, что события 17 сентября 1939 г. явились важной вехой в истории Беларуси. После вхождения Западной Беларуси в состав СССР главной заботой советского партийно-роководства являлась унификация этой территории в административном, экономическом, финансовом, социальном

и идеологическом отношении со всем Советским Союзом, ее хозяйственное освоение, искоренение там малейшего сопротивления советизации, внедрение в умы населения социалистических идей [15, с. 44; 11, с. 483–506].

Присоединенная к СССР обширная территория на западе с осени 1939 до лета 1940 г. оказалась вполне с благоустроенной церковной жизнью и преимущественно православным населением. Так, к 1941 г. РПЦ имела 3021 действовавший храм, причем около 3 тыс. из них находились на территории, вошедшей в состав СССР [12, с. 82]. С присоединением Западной Беларуси и Западной Украины, Бессарабии и Восточной Прибалтики в ведении Московской Патриархии появились 64 монашеских обители [7, л. 2]. На основании отчетов областных комитетов партии было зарегистрировано 446 костелов, 542 церкви, 387 синагог, 14 монастырей. Православных священнослужителей – 606, 617 ксендзов и 293 раввина [8, л. 26]. Руководство православными церквями осуществлялось церковными епархиями. Только Гродненская церковная епархия объединяла 356 православных общин, которые разделялись на 33 благочестивых округа. В десяти километрах от г. Слонима, в дер. Жировичи, Барановичской области, находился Свято-Успенский монастырь, основанный еще в 1470 г. [20, с. 228, 230]. Наместником обители, фактически администратор епархиальных дел при престарелом архиепископе Пантелеимоне (Рожновском), «бывшего адмирала царской армии» [10, л. 15], являлся архимандрит Венедикт (Бобковский) [1, л. 73].

С присоединением Западной Беларуси к БССР, осенью 1939 г., были включены территории трех предвоенных римско-католических диоцезий – Виленская, Пинская и Ломжинская [14, с. 144]. Среди верующих – католиков по вероисповеданию – в западных областях Беларуси преобладали поляки [15, с. 40]. Вместе с тем в Виленской и Пинской диоцезиях значительную часть католиков составляли белорусы.

Советское руководство осознавало, что ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей в обозримые сроки нереально, поэтому от обычной политики пришлось отказаться и намечено было проводить политику относительной терпимости по отношению к верующим.

На основе законодательных актов о национализации церковного имущества, в западных областях Беларуси равным образом, как и на просторах всего СССР, развернулась кампания по закрытию церквей. Правда, проводилась она более осторожно, нежели на восточных землях. Прежде всего учитывалось пограничное положение вновь присоединенных территорий и все еще сильное влияние духовенства на население.

В целом, можно констатировать, что на протяжении всего периода (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) советскими властями не предпринималось попыток огульного закрытия православных церквей. Объясняется это следующими причинами: во-первых, РПЦ в лице своих высших иерархов заверила советскую власть в своей лояльности. Во-вторых, по сообщению партийных органов, влияние Церкви на православное население западных областей Беларуси, а в большинстве своем представленное белорусами, было значительно слабее, нежели костела на католиков и синагоги на иудеев [3, л. 77]. Как правило, закрывающиеся культовые здания становились так же кинотеатрами, складами. Любые действия местных органов по закрытию православных церквей, а еще вдобавок обжалованные местным населением, осуждались. Виновные привлекались к ответственности. В Слонимском районе после закрытия двух церквей в одной из них был устроен клуб. Однако закрытие церквей осуществлялось без проведения соответствующей работы среди верующих, в результате чего ими был поднят вопрос о возобновлении службы [2, л. 112]. Из записки секретаря Ганцевичского РК КП(б)Б З.К. Бейненсона от 4 мая 1940 г. следует, что и «в дер. Локтыши Ганцевичского района во время религиозного праздника пасхи сельсовет незаконно закрыл церковь. Учитель Чудинской школы Рулинский П.П. пошел в церковь, а затем административно выгнал детей из церкви. В результате чего было большое нарекание со стороны родителей, т.к. он детям не разъяснил, а действовал административно. В связи с религиозным праздником пасхи крестьяне на поле почти не выходили» [4, л. 11–12].

Как и православное духовенство, католические ксендзы стремились найти поддержку у своих прихожан. Как следовало из специальных сообщений органов НКВД, особенно сильное влияние ксендзы оказывали на поляков, чьи религиозные чувства доходили до фанатизма. Поэтому поддержка верующими католического духовенства в борьбе с притеснениями со стороны советских властей была более активной и существенной, нежели православно-го. Помимо сбора средств на уплату налогов и посылки жалоб в органы советской власти, верующие организовывали шествия, отправляли делегации в защиту своих священников. Например, в Ганцевичах к секретарю райкома партии явилась делегация верующих с требованием отпустить арестованного ксендза [5, л. 220]. Католики города Несвижа намеревались послать в райисполком многочисленную делегацию с требованием снижения налогов, правда, своего согласия на осуществление этого мероприятия не дал сам ксендз [6, л. 169].

Со всех школ, после их реорганизации, были убраны все религиозные символы. В Белостоке это осуществляли комиссии, созданные из коммунистов разных национальностей, в том числе еврейской. Они следили за учителями и детьми, проверяя соблюдение запрета моления в школе. Ведь этот запрет встречался сопротивлением, как со стороны детей, так и со стороны молодежи. Также антирелигиозные поговорки произносились молодыми активистками атеизации, присланными в школы. Несмотря на давление властей, до декабря 1939 г. запрет на обучение религии в школах не всегда соблюдался. Проводимая на очень низком уровне антирелигиозная пропаганда, высмеивающая веру в Бога, травмировала религиозные чувства верующих и не приносила желаемых результатов, тем более, что большевики ничем не могли заинтересовать [18, с. 78].

Заметим и то, что в рассматриваемом регионе встречались приходы, где с установлением советской власти «верующие» сами отказывались от религии. И такие факты вовсе не по сообщениям партийных и советских органов в целях агитации и показа своих успехов, а по свидетельствам самих священнослужителей. В рапорте священника из местечка Лахва своему архиепископу в г. Пинск в начале 1941 г. говорилось: «хотя Лахвиский приход имеет около 12000 душ прихожан, в религиозном отношении он не был хорошим и в прошлые времена, тем более не стал

сейчас...». Или, «в селе Озериче, где имеется около 3000 душ, с приходом советской власти прихожане вовсе не обращаются за исполнением религиозных треб крещения, бракосочетания и т.п., а браки только регистрируются в сельском Совете» [17, с. 81]. В некоторых сельсоветах Ганцевичского района Пинской области (Денисковичский, Люсинский, Будченский, Чудинский, Рожанский) были отмечены случаи, когда крестьяне добровольно снимали иконы, водружая на их место портреты вождей и правительства [3, л. 83]. В деревне Детковичи Барановичской области граждане деревни с первых дней прихода советской власти сами закрыли имевшуюся у них церковь, которая в мае 1940 г. была переустроена под колхозный клуб [5, л. 13].

Таким образом, на присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. землях, находилось более 90 % всех приходов РПЦ, религиозная жизнь существовала в легальных формах. Советскими властями было сделано все, чтобы помешать ее нормальному функционированию. Несмотря на множество запретов, окутывавших церковную жизнь со всех сторон, жесточайшие гонения, репрессии, преследования, связанные непосредственно с Постановлением ЦК КП(б) от 10 февраля 1941 г, она сумела выстоять, выжить как Институт. В западных областях Беларуси в 1941 г. продолжали действовать 542 православных храма [9, л. 150]. Действительно, число насельников в монастырях Западной Беларуси значительно сократилось, одних удалили из обителей насильно, другие – покинули сами. По данным, на январь – апрель 1941 г., в Жировичской обители, как «одного из больших очагов мракобесия», осталось 20 монахов и 4 монахини [8, л. 30].

Политика советской власти по отношению к католическому духовенству, как и к Католическому Костелу в целом, была однозначной – полное его уничтожение. Используя антипольские настроения местного населения и играя на этих чувствах, советская власть объявила всех ксендзов и поляков – шпионами, а верующих католиков – их пособниками. Советское законодательство о религии, применявшееся ко всем конфессиям в равной степени, особенно жестко было направлено против католиков.

Партийно-государственная политика и идеи, укоренявшиеся в практике социалистического и коммунистического строительства, не сумели вытеснить из сознания народа корни религиозности. Немалая часть людей, сознательно или по традиции, оказалась приверженной религиозному мировоззрению. Поговорка «Чья власть – того и вера» не прижилась на западных землях Беларуси.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Жировичского Свято-Успенского монастыря: «Летопись. Софийский Собор в гор. Гродно». Начато: в январе 1914 года. – Л. 67–74.
2. Государственный архив Брестской области. – Фонд. 673. – Оп. 3. – Д.393.
3. Там же. – Фонд 2219. – Оп. 1 "а". – Д. 40.
4. Там же. – Фонд 2219 "П". – Оп. 1 "а". – Д. 13.
5. Там же. – Фонд 7581 «П». – Оп. 1. – Д. 19.
6. Там же. – Д. 26.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд6991. – Оп.1. – Д. 153.
8. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд4. – Оп. 21. – Д. 2355.
9. Там же. – Ф. 4. – Оп. 27. – Д. 328.
10. Российский государственный архив современной политической истории. – Фонд 17. – Оп. 125. – Д. 44.
11. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. – Мн.: «Беларусь», 1972. – Т. 2 (1929–1939 гг.). – 560 с.
12. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дис. ... д-ра истор. наук / О.Ю.Васильева. – М., 1998.
13. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор / О.Ю. Васильева. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.
14. Sword, K. Polityka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi zachodniej w latach 1939–1941 / K. Sword // Społeczeństwo Białoruskie, Litewskie i Polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. – Warszawa, 1995. – S. 141–160.
15. Lebediewa, N.S. Komitet Centralny WRP(b) i sowietyzacja Polski / N.S. Lebediewa // Sowietyzacja kresów wschodnich II Rzeczypospolitej po 17wrzesnia 1939 / Studia pod redakcją Adama Sudola. – Bydgoszcz, 1988. – S.33–54.
16. Цит. по: M. Gnatowski. W radzieckich okoncach (1939–1941). – Łomża, 1977. – S.61–62, 161–162.
17. Надольский, Р. Религия и атеизм в Западной Белоруссии / Р.Надольский // Атеизм в наступлении. – Минск, 1973.
18. Represje wobec polskiego duchowieństwa katolickiego na ziemiach północno-wschodnich II RP 1939–1941 // Roman Dzwonkowski. – S. 75 – 93.
19. Протьюко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Мн.: Тесей, 2002. – 688 с.
20. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...» Верасень 1939 г. – 1956г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. – Кн. 1.: Верасень 1939–1941 гг. / Склад: У.І. Адамушка і [інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 340 с.